

DOI 10.35775/PSI.2026.127.3.026

УДК 32

А.Б. ГЕХТ

кандидат исторических наук, доцент,
зав. каф. истории и регионоведения, СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: a.geht@yandex.ru

Д.Г. ЧЕРКАСОВ

магистр, преподаватель кафедры истории и
регионоведения СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: mitya-cher2801@yandex.ru

Д.В. ШУТМАН

кандидат политических наук, доцент, декан
факультета социальных технологий и экономики данных,
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича,
Россия, г. Санкт-Петербург
E-mail: gf@sut.ru

ОТ ФОРМАЛЬНОГО НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ К ЧЛЕНСТВУ В НАТО: РОЛЬ ВНЕШНЕГО ВЕТО И ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИКИ БЕЗОПАСНОСТИ ШВЕЦИИ (2022-2024 ГГ.)

Процесс вступления Швеции в НАТО, инициированный в 2022 году, столкнулся в ходе реализации со значительными барьерами, ключевыми из которых стали дипломатическая позиция Турции и необходимость формирования внутреннего политического консенсуса. Центральным внешним барьером стало мнение официальной, выдвинувшей ряд дипломатических условий, включающих ужесточение антитеррористического законодательства, экстрадицию лиц, связанных с Рабочей партией Курдистана и движением Ф. Гюлена, и снятие эмбарго на поставки ряда типов вооружений. Наряду с данными обстоятельствами особое значение приобрел и внутривнутриполитический фактор: необходимость обеспечения устойчивой поддержки членства в НАТО в шведском парламенте, риксдаге, где ключевую роль сыграла эволюция позиции право-популистской партии «Шведские демократы» - от скептицизма к активной поддержке. Голоса представителей данной партии в риксдаге обеспечили необходимый конституционный консенсус, ставший важным сигналом для международных партнеров. Преодоление барьеров на пути Швеции в НАТО потребовало одновременного проведения гибкой

внешней дипломатии и достижения глубокой внутренней политической трансформации. Рассмотрению данных вопросов и посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Швеция, Финляндия, Турция, расширение НАТО, Шведские демократы, политика безопасности, регион Балтийского моря.

Одним из наиболее резонансных событий 2022 года стало решение политического руководства Швеции и Финляндии официально присоединиться к числу стран-членов Североатлантического альянса. Страны, остававшиеся в качестве нейтральных в период прошлой «холодной войны», и, в случае Финляндии, обладавшей также весьма позитивными двусторонними отношениями с СССР, на фоне современного прогрессирующего кризиса международных отношений, в условиях нового противостояния великих держав, окончательно завершили затянувшееся на несколько десятилетий внешнеполитическое тяготение к НАТО. Безусловно, подобная ситуация не сложилась на пустом месте. Было бы более чем неправильно выводить столь значимое решение этих североевропейских стран исключительно как следствие традиционных опасений в отношении внешнеполитических намерений своего могущественного восточного соседа [1. С. 90-96], лишь обострившихся после 24 февраля 2022 года. Напротив, постоянно углублявшееся на протяжении последних тридцати лет (в особенности после прекращения существования СССР) военно-политическое взаимодействие со странами-членами НАТО постепенно привело Швецию и, в немалой степени, исторически тесно связанную с ней Финляндию в число постоянных и доверенных партнеров альянса. Тесные экономические связи, как в рамках европейской интеграции, так и в формате трансатлантического партнерства, а также устойчивое языковое, культурное, политико-правовое и т.п. родство не оставляли сомнений в положительной реакции как со стороны официального руководства альянса, так и высших политических кругов ключевых стран-членов НАТО на устремления Швеции и Финляндии. Однако на пути официальных Стокгольма и Хельсинки достаточно неожиданно обозначилось препятствие – позиция политического руководства Турции, обнародовавшего свои возражения по вопросу присоединения к альянсу Швеции. Помимо позиции официальной Анкары, для Швеции ситуация осложнялась еще и отсутствием внутривнутриполитического консенсуса по рассматриваемому вопросу, повлекшей за собой необходимость вовлечения в процесс принятия решения новых политических акторов – правопопулистскую партию «Шведские демократы». Незнание основных обстоятельств этого эпизода современных международных отношений и определяет исследовательскую актуальность настоящей статьи.

На длительный период как непосредственно самой «холодной войны», так и после ее формального завершения в начале 1990-х гг. Турция оставалась важным участником североатлантического альянса и являлась страной с выраженной внешнеполитической ориентированностью на страны коллективного Запада. Турция действовала в подобном западноориентированном ключе вплоть до июля 2016 года, когда в стране произошли события, определенные официальной Анкарой в качестве попытки военного государственного переворота.

Несмотря на то, что госпереворот не увенчался успехом, он весьма выражено изменил отношения между Турцией и ведущей державой НАТО, США. По мнению официальной Анкары, Соединенные Штаты непосредственно были вовлечены в попытку государственного переворота, как в риторике руководителей государства (в т.ч. и непосредственно самого президента Реджепа Тайипа Эрдогана), так и в материалах многих правительственных турецких СМИ стали активно обсуждаться вопросы возможного участия ЦРУ и американских военных в подготовке путча, несмотря на официальное осуждение действий путчистов со стороны политического руководства США [9].

Тем не менее, довольно быстрое дистанцирование Турции как от официальных структур НАТО, так и США, быстро стало очевидно. Пожалуй, первым действительно крупным противоречием между Турцией и США стало широко известное решение Р.Т. Эрдогана приобрести российские системы ПВО С-400 вместо американских установок «Patriot», принятое в 2019 году. Этот шаг едва ли можно назвать началом политического сближения Турции и России; уместнее выглядит его трактовка в качестве инструмента политического давления с целью получить дополнительные политические преференции и более выгодные условия заключения последующих контрактов на закупки военной техники американского производства. При этом реакция со стороны Соединенных Штатов была обратной: Турция была исключена из программы продажи истребителей F-35. Взамен ей было предложено закупать истребители прошлого поколения F-16, но при условии, что Анкара прекратит сотрудничество с российским ВПК. В ответ президент Р.Т. Эрдоган продолжил взаимодействовать как с Россией, так и с США, заявляя о готовности к переговорам о покупке российских истребителей Су-35, параллельно оставаясь открытым для предложений с американской стороны [5].

Являясь в современных условиях единственным членом НАТО, достаточно активно действующим в разрез с декларируемыми внешнеполитическими установками США, Турция создает ситуацию, в которой некоторые важнейшие решения, принимаемые на уровне руководства альянса, могут быть заблокированы. Согласно уставу НАТО большинство решений должны приниматься единогласно странами-участниками, а в случае протеста любой из стран голосование прекращается [11. Р. 426-427]. Именно такой процедурой и воспользовался Р.Т. Эрдоган, когда на волне осуждения политики Российской Федерации страны коллективного Запада попытались консолидировать свои политические и экономические усилия по изоляции России в том числе и за счет официального решения поддерживать интегрировать в НАТО Швецию и Финляндию.

Важно отметить, что Швеция и Финляндия как потенциальные страны-члены НАТО обладали серьезным стратегическим значением для альянса [4]. Во-первых, Североатлантический альянс еще сильнее укрепитесь в регионе Балтийского моря, который также играет весьма важную роль для экономических и военно-политических интересов России. Во-вторых, новоприсоединенные североευропейские страны дадут НАТО расширенный доступ в арктический

регион (в т.ч. и в контексте протяженной границы Финляндии с Россией), который все чаще упоминается в стратегических документах США как одно из приоритетных направлений внешней политики страны [7]. В-третьих, не следует упускать из внимания весьма серьезный потенциал Швеции как страны-производителя различной военной техники и многочисленных видов вооружений [15]. Вкупе с традиционно сильными позициями этих североευропейских стран на мировом рынке все приведенные факторы демонстрируют очевидную ценность Швеции и Финляндии для Североатлантического альянса.

По результатам опросов общественного мнения, проведенных шведской газетой Aftonbladet в январе 2022 года, к возможному вступлению в НАТО положительно относилось только 42% шведов, в то время как 37% высказались против членства в Североатлантическом альянсе. Однако на волне антироссийской риторики в Европе количество выступающих за вступление в структуры НАТО, выросло до 55-60% процентов населения Швеции и соседней Финляндии [6]. Учитывая общеевропейское негативное отношение к действиям России, шведское и финское правительства решили не выносить вопрос о вступлении в НАТО на референдумы. Сам факт формального присоединения к блоку НАТО Швецией и Финляндией при этом носил очевидно символический характер, поскольку эти страны длительное время сотрудничали с альянсом не только через программу «Партнерства ради мира», но, что куда важнее, через многоуровневую систему военно-политических соглашений о взаимной помощи с такими членами альянса как Дания, Норвегия, а также страны Балтии [2. С. 93-99].

Тем не менее, 18 мая 2022 года Турция заблокировала голосование среди послов стран-членов Североатлантического альянса о рассмотрении заявок Финляндии и Швеции о вступлении в организацию. Президент Р.Т. Эрдоган заявил, что в случае подобного расширения НАТО стало бы организацией, в которой было бы много «представителей террористов»: ранее Анкара потребовала от Швеции выдать 33 представителей «Рабочей партии Курдистана» и FETO (т.н. «движение Гулена»), но получила отказ [10].

Подобная позиция официальной Анкары обосновывалась длительным противостоянием с курдскими подпольными формированиями, дестабилизирующими внутренне положение в ряде областей страны. Организация, известная под названием «Рабочая партия Курдистана», длительное время олицетворяет курдское национальное движение и нацелена на создание в перспективе самостоятельного курдского государства, что, естественно, неприемлемо для официальной Анкары [25. Р. 248-266]. Несмотря на то, что «Рабочая партия Курдистана» официально признана террористической организацией Европейским Союзом, многие курды из числа участников военно-политической борьбы с Турцией нашли политическое убежище в странах Северной Европы, а именно – преимущественно в Швеции, традиционно проводившей весьма либеральную политику в отношении предоставления убежища выходцам из конфликтогенных территорий. Подобное обстоятельство приводило Швецию в стан недружественных государств в глазах турецкого политического руководства. Хотя Финляндия

официально не поддерживала курдские формирования, премьер-министр Финляндии Санна Марин неоднократно заявляла, что вступление в НАТО Финляндия будет проходить только совместно со Швецией [18].

Поддержка ряда деятелей курдских подпольных формирований со стороны шведских властей в действительности стала лишь удобным предлогом для проведения официальной Анкарой самостоятельного от Брюсселя внешнеполитического курса. Решение о блокировании вступления новых стран в НАТО стало политическим сигналом отнюдь не североевропейским государствам и даже не их западноевропейским союзникам, а США. Уместно заметить, что приоритетными интересами турецкой стороны выступали и желание добиться более выгодных условий поставок различных видов вооружений, боеприпасов и военных материалов, и очевидное стремление Р.Т. Эрдогана не выступать в качестве ведомого младшего партнера официального Вашингтона, лишь обеспечивающего военно-политическое присутствие альянса в стратегически важном регионе.

Блокировкой голосования и возможностью вообще полностью наложить вето на данный вопрос турецкое политическое руководство поставило США и НАТО перед сложным выбором: занять принципиальную позицию, чреватую новым витком напряженности во взаимоотношениях с официальной Анкарой, или же пойти на уступки в угоду Турции.

Результатом саммита стран-членов НАТО в Мадриде стало официальное заявление, согласно которому Стокгольм и Хельсинки пришли к договоренности с Турцией, выразив поддержку вести совместную с прочими членами блока борьбу со структурами Рабочей партии Курдистана на территории Турции, а также не поддерживать политических оппонентов президента Р.Т. Эрдогана [23]. Несомненно, подобный компромисс стал значительным дипломатическим успехом его администрации. Несмотря на то, что решение по вступлению Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс все равно было бы так или иначе воплощено в реальности даже при официальных протестах со стороны Турции, внимание мирового сообщества, прикованное к этому конфликту, уже само по себе приумножило бы политические очки Р.Т. Эрдогана в преддверии назначенных на 2023 год президентских выборов в Турции.

В этой связи стратегический расчет турецкого руководства может быть интерпретирован как попытка использования процесса расширения альянса в качестве комплексного инструмента для достижения взаимосвязанных внутри- и внешнеполитических целей. С одной стороны, появился важный инструмент для решения одной из ключевых проблем внутривнутриполитической повестки, прежде всего, связанной с нейтрализацией курдского сепаратистского движения, которое официальной Анкарой классифицируется как террористическое. С другой стороны, данная позиция позволяла Турции актуализировать свой статус как незаменимого стратегического актора, претендующего на усиление роли в региональной и глобальной архитектуре системы международной безопасности. В рамках данной логики согласие на расширение НАТО закономерно

увязывалось с требованиями о содействии союзников по альянсу модернизации национальных вооруженных сил, в частности, за счет поставок современных американских вооружений, что соответствует долгосрочным целям укрепления обороноспособности и технологической автономии Турецкой республики. Параллельные дипломатические инициативы, такие как предложение посреднических услуг, в частности, предоставление переговорных площадок в рамках попыток урегулирования украинского конфликта, а также наличие амбициозных проектов по созданию регионального энергетического хаба, органично встраиваются в эту многокомпонентную стратегию, направленную на консолидацию внутреннего суверенитета и максимизацию внешнеполитического влияния в условиях системной нестабильности, характеризующей современную международно-политическую обстановку. Таким образом, внешнеполитический курс Анкары в данном контексте демонстрирует характерную инструментализацию многосторонних институтов для синхронного решения задач на разных уровнях: от обеспечения внутренней безопасности до изменения баланса сил в своем стратегическом окружении.

Условия, поставленные турецкой стороной, также подразумевали определенные последовательные действия со стороны Швеции и Финляндии, выполнение которых также послужило затягиванию процедуры официального вступления стран в структуры НАТО. Исходя из заявления генерального секретаря альянса Йенса Столтенберга, по состоянию на 20 октября 2022 года, протоколы о вступлении двух новых стран в Североатлантический альянс ратифицировали 28 стран из 30. Двумя странами, задержавшими расширение НАТО, оказались Венгрия и Турция соответственно [16]. Как известно, Венгрия с президентом В. Орбаном во главе страны уже длительное время действует в разрез внутривнутриполитических и внешнеполитических директив Европейского Союза, Турция же по-прежнему не была удовлетворена выполнением взятых на себя обязательств со стороны Швеции и Соединенных Штатов.

Новый (с 2022 г.) премьер правоконсервативного правительства в Швеции Ульф Кристерсон, хоть и подтвердил в своей инаугурационной речи приверженности Швеции к соблюдению договоренностей с Турцией, но, в то же время, заметил, что внутривнутриполитические изменения в Швеции значительно замедлят их выполнение [12]. В период с ноября по декабрь 2022 года турецкие требования к Швеции и Финляндии усилились, подтверждая позицию Анкары относительно необходимости выполнения положений т.н. «трипартийного меморандума», заключенного в Мадриде в июне 2022 года: документ обязывал кандидатов на вступление в НАТО к сотрудничеству в сфере противодействия терроризму, включая экстрадицию подозреваемых и снятие эмбарго на поставки вооружений [14].

К октябрю 2022 года все члены альянса, за исключением Турции и Венгрии, ратифицировали заявки, однако Анкара настаивала на дополнительных гарантиях, по-прежнему обвиняя Швецию в недостаточных мерах по подавлению деятельности курдских групп, ссылаясь на общественные выступления в поддержку

курдов в Стокгольме [17]. В декабре того же года состоялись переговоры между сторонами, но прогресс оказался минимальным, что подчеркивало затяжной характер переговорного процесса. В январе-марте 2023 года ситуация обострилась в связи с инцидентом в Стокгольме: ультраправый активист Расмус Палудан совершил публичное сожжение Корана, вызвавшее острую реакцию в Турции и приведшее к временной приостановке переговоров; поскольку президент Эрдоган интерпретировал этот эпизод в качестве подтверждения «террористической» природы шведской политики. Уместно предположить, что именно с целью посеять семена потенциальной розни между традиционно близкими друг другу странами он изменил свое отношение к вопросу вступления в альянс соседней Финляндии, и 4 апреля того же года официальный Хельсинки официально присоединился к альянсу как 31-й член, что совпало с 74-й годовщиной основания организации [8].

В мае-июне того же года в Швеции был принят новый антитеррористический закон, запрещающий финансирование и поддержку Рабочей партии Курдистан; при этом официальный Стокгольм экстрадировал нескольких подозреваемых в терроризме (по турецким запросам и вопреки мнению ряда представителей общественности), однако Турция продолжала настаивать на дополнительных мерах. Кульминацией переговорного процесса стал саммит НАТО в Вильнюсе в июле 2023 года, где 10 июля Эрдоган неожиданно согласился на ратификацию шведской заявки в обмен на поддержку США в поставках истребителей F-16 и дополнительные обязательства Швеции по курдскому вопросу, что было воспринято как значительная дипломатическая уступка, сделанная в угоду союзникам по военному альянсу стран коллективного Запада [27].

В январе-марте 2024 года турецкий парламент ратифицировал заявку Швеции после выполнения Стокгольмом большинства требований турецкой стороны, включая снятие эмбарго на поставки оружия, и 7 марта 2024 года Швеция стала 32-м членом НАТО [24], завершив не только процесс интеграции в альянс, но и двухвековую традицию сначала официального декларируемого нейтралитета, а после вступления в Европейский союз в 1995 году – неучастия в военных альянсах и союзах в мирное время.

На протяжении последних десятилетий официальная политика неприсоединения, уходящая корнями в послевоенный период, являлась одним из краеугольных камней не только внешнеполитической доктрины скандинавского королевства, но и в целом современной шведской национальной идентичности. Гораздо более жесткая (в контексте официальных дружеских и партнерских отношений) внешнеполитическая линия Финляндии в отношении СССР (т.н. «финляндизация» в финской историографической традиции, «линия Паасикиви-Кекконена в отечественной) также претерпела радикальные изменения после 1991 года, выразившиеся в постепенной евроатлантической конвергенции через членство в ЕС и программу сотрудничества «Партнерство ради мира» НАТО. Специальная военная операция России, начавшаяся в 2022 году, выступила в качестве катализатора, быстро изменившего общественное мнение и политический баланс сил

в обеих рассматриваемых странах, однако институциональные и процедурные аспекты в Швеции оказались тесно переплетены в том числе и с внутривнутриполитической борьбой. Достижение внутривнутриполитического консенсуса по вопросу членства Швеции в НАТО обусловило необходимость формирования коалиции поддержки, требующей учета позиций ключевых политических акторов, включая набирающие влияние правопопулистские силы.

В данном контексте правопопулистская партия «Шведские демократы» (ШД), длительное время занимавшая маргинальное положение, к 2022 году трансформировалась в одну из крупнейших политических сил страны, обладающую решающим влиянием на правопопулистское правительство меньшинства [3. С. 2950-2961]. Изначально скептически относившаяся к НАТО и де-факто поддерживавшая традиционный декларируемый нейтралитет, партия под руководством Йимми Окссона осуществила стремительный идеологический разворот. Этот маневр был обусловлен сочетанием факторов: резким изменением общественного восприятия России, стремлением легитимизировать свой статус как ответственной политической силы, потенциально готовой прийти к власти, а также стратегическим расчетом на укрепление национального суверенитета в рамках коллективной обороны, что резонировало с ее прежней националистической повесткой. Поддержка ШД стала критически необходимой для формирования конституционного большинства в риксдаге по вопросу о подаче заявки на членство в альянсе, что де-факто предоставило партии право вето по данному вопросу.

Эволюция риторики лидеров партии наглядно отражает ее стратегический разворот. Так, еще в 2019 году Й. Окссон заявлял: «Мы, «Шведские демократы», выступаем против членства Швеции в НАТО. Мы считаем, что шведская политика свободы от военных альянсов служила нам хорошо и должна быть сохранена» [19]. Однако после февраля 2022 года тон кардинально изменился. Окссон, обосновывая смену курса, заявил: «Когда Россия, самая большая и опасная угроза нашей стране и нашей части Европы, вторгается в соседнюю страну, мы должны пересмотреть нашу позицию... Нам нужны формальные гарантии безопасности, которые приходят только с членством в НАТО» [20]. Один из ключевых идеологов партии и председатель комитета по обороне Риксдага Рикард Йомшоф также подчеркивал связь подобного решения с национальными интересами королевства: «Мы меняем позицию, потому что меняется мир. Наш принцип – защита шведского суверенитета и безопасности, и в новых условиях он лучше достигается в качестве члена НАТО» [22].

Отметим, что роль «ШД» не ограничилась простым одобрением решения о планируемом вступлении в НАТО; партия активно использовала процесс интеграции в североатлантический альянс в качестве инструмента для продвижения собственной политической программы и ужесточения внутривнутриполитической риторики. Жесткая позиция «ШД», увязанная с ее общей антииммиграционной и антитеррористической риторикой, существенно ограничила маневренность шведского правительства на переговорах с официальной Анкарой, вынуждая его

занимать более жесткую и менее гибкую позицию, чем, например, Финляндия. Это напрямую способствовало затягиванию процесса ратификации, поскольку Турция требовала конкретных действий по ужесточению законодательства и традициям. Кроме того, «ШД» использовала парламентские дебаты по перспективе вступления страны в НАТО для усиления нарратива о «шведской исключительности» в рамках альянса, настаивая на отказе от размещения на постоянной основе ядерного оружия и иностранных войск на своей территории в мирное время, а также на укреплении собственной оборонной промышленности. Эти тезисы, позднее инкорпорированные в протоколы о вступлении страны в блок, отражали стремление партии адаптировать членство в НАТО к своей идеологической платформе, сочетающей евроатлантизм с жестким национал-консерватизмом и популизмом.

После парламентских выборов в сентябре 2022 года правый блок, включающий «Умеренную коалиционную партию», «Христианских демократов» и «Либеральную партию», сформировал правительство под руководством Ульфа Кристерссона, которое продолжило и активизировало процесс интеграции, сделав вступление в НАТО приоритетом внешней политики. Эта коалиция способствовала более эффективным переговорам с Турцией, в частности, за счет снижения связей с курдскими группами, что не только облегчило удовлетворение турецких требований, но также ускорило рост оборонных расходов страны до 2% ВВП к 2026 году (ранее планировалось достичь этого уровня к 2028 году), демонстрируя повышенную приверженность королевства официальным требованиям НАТО к своим членам в отношении объема расходов на военные нужды.

Влияние правых сил также проявилось в минимизации внутренних оппозиционных голосов, где только «Левая партия» и «Зеленые» оставались последовательными критиками вступления в альянс, призывая к общенациональному референдуму по вопросу членства, в то время как правые партии усилили фокус на укреплении военно-политического сотрудничества в регионе Скандинавии и Балтийского моря и по вопросу оказания обширной финансовой и военной поддержки Украины [26]. В условиях поддержки вступления Швеции в НАТО со стороны «Шведских демократов» парламентские дебаты 22 марта 2023 года, продолжавшиеся почти семь часов, завершились ратификацией протокола о присоединении (269 голосов «за» при 37 «против») [21].

Таким образом, процесс интеграции Швеции и Финляндии в НАТО, преобразованный турецким фактором в затяжной дипломатический процесс, в конечном итоге выявил не только структурные уязвимости механизма принятия решений в НАТО, где вето одного члена способно существенно замедлить устраивающее большинство решение. Содержание и траектория исторического для внешней политики Швеции поворота были в значительной степени определены внутривластными факторами, что ярко иллюстрирует роль, которую сыграли «Шведские демократы». Трансформировавшись из маргинального в 1990-е гг. движения в ключевую парламентскую силу современной Швеции, данная партия поддержала стратегический разворот страны к официальному атлантизму.

Для самого альянса итогом стала существенная стратегическая переконфигурация: увеличение совместной границы с Россией, укрепление позиций в Западной Арктике и усиление контроля над акваторией Балтийского моря. В то же время Турция, добившись тактических преимуществ (таких как модернизация ВВС), понесла репутационные издержки в контексте отношений внутри военно-политического блока. Таким образом, «балтийское» расширение альянса стало возможным благодаря сложным двусторонним компромиссам и трансформации шведского политического ландшафта в условиях продолжающегося «правого поворота», а не единству мнений среди стран-участников НАТО.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Гехт А.Б. Североевропейская интеграционная модель и Россия: опыт исторического взаимодействия // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение Материалы международной научно-практической конференции. М.: МГЛУ, 2019.
2. Гехт А.Б., Соловьева В.А. Роль Балтийских государств в деятельности НАТО // Гуманитарные чтения в Политехническом университете. Сборник трудов Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х частях. Санкт-Петербург, 2021.
3. Черкасов Д.Г. Становление шведских правопопулистских партий в шведской политической системе // Вопросы политологии. 2025. № 7.
4. Швеция станет логистическим центром НАТО в случае начала конфликта // The Financial Times, 07/03/2024.
5. Эрдоган заявил об альтернативе поставкам американских истребителей F-35 // РБК // <https://www.rbc.ru/politics/16/10/2019/5da645d99a7947e742dacc46>.
6. Aftonbladet NATO splittrarsvenska folket // <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8QzzGA/natofragan-splittrar-svenska-folket>.
7. Department of Defense Arctic Strategy Report to Congress // Office of the Under Secretary of Defense for Policy. 2019. June // <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF>.
8. Deposition of Finland's instrument of accession to the North Atlantic Treaty // NATO // <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2023/04/04/deposition-of-finlands-instrument-of-accession-to-the-north-atlantic-treaty?selectedLocale>.
9. Erdogan accuses top US general of 'backing putschists' // Newarab // <https://english.alaraby.co.uk/news/erdogan-accuses-top-us-general-backing-putschists>
10. Financial times Erdoğan blocks Nato accession talks with Sweden and Finland // <https://www.ft.com/content/3d1ab5d0-19a6-41bd-83a4-7c7b9e2be141>.
11. Heffner R. A Documentary history of the United States. N.Y., Penguin Group, 2013.
12. Kristerssonsnaregering // Aftonbladet // <https://tv.aftonbladet.se/video/348163/saa-blir-ulf-kristerssons-regering>.

13. Onsdag den 20 mars 2024 // Riksdagen // https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/talarlista/onsdag-den-20-mars-2024_hboj20240320/.
14. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the trilateral meeting between Türkiye, Finland and Sweden // NATO // <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2022/06/28/press-conference?selectedLocale>.
15. Regeringen Government Communication 2020/21:114 Strategic Export Controls in 2020 – Military Equipment and Dual-Use Items Comm. 2020/21:114 The Government submits this Communication to the Riksdag. Stockholm, 8 April 2021 // <https://www.regeringen.se/4acb30/contentassets/94cf4ea4df01432a8bc50861385f360c/strategiskexportkontroll-skr-202021114>.
16. Secretary General: Sweden and Finland's membership will make NATO stronger // NATO // https://www.nato.int/cps/en/natohq/news.htm/news_208464.htm?selectedLocale=en.
17. Speech by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at the 68th Annual Session of the NATO Parliamentary Assembly (NPA) // NATO // <https://www.nato.int/en/news-and-events/events/transcripts/2022/11/21/speech?selectedLocale>.
18. Svenska Dagbladet, Sverige och Finland kan skicka in NATO // <https://www.svd.se/a/L5Eyl1/finland-och-sverige-kan-skicka-in-nato-ansokan-samtidigt>.
19. Sverige demokraterna, Principprogram 2019 // <https://archive.org/details/sverigedemokraternas-principprogram-2019>.
20. Sverige demokraterna SD om NATO // <https://www.sd.se/2022/05/15/sverigedemokraterna-sager-ja-till-en-ansokan-om-nato-medlemskap/>.
21. Sveriges medlemskap i NATO // Riksdagen // https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/proposition/sveriges-medlemskap-i-nato_ha0374/.
22. SVT Agenda, Richard Jomshof // <https://www.svtplay.se/video/K16NX5R/30-minuter/richard-jomshof>.
23. Sweden invited to join NATO at Madrid Summit // Government.se // <https://www.government.se/articles/2022/07/sweden-invited-to-join-nato-at-madrid-summit/>.
24. Sweden officially joins NATO // NATO // <https://www.nato.int/en/news-and-events/articles/news/2024/03/07/sweden-officially-joins-nato?selectedLocale>.
25. **Tezcür G.M.** Violence and nationalist mobilization: the onset of the Kurdish insurgency in Turkey // Nationalities Papers. N.Y., 2015. Vol. 43, N 2.
26. Vansterpartiet, NATO // <https://www.vansterpartiet.se/var-politik/politik-a-o/nato/>.
27. Vilnius Summit Communiqué Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023 // NATO // <https://www.nato.int/en/about-us/official-texts-and-resources/official-texts/2023/07/11/vilnius-summit-communiqué>.

A.B. GEKHT

PhD, Associate professor/ docent,
Head of department of history and region studies
the Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University
of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia

D.G. CHERKASOV

Master, a lecturer of the Department
of History and Regional Studies, the Bonch-Bruevich Saint Petersburg
State University of Telecommunications,
Saint Petersburg, Russia

D.V. SHUTMAN

Ph.D. in Political Science,
Associate Professor, Dean of the Faculty of Social
Technologies and Data Economy, the Bonch-Bruevich Saint-Petersburg
State University of Telecommunications,
Saint Petersburg, Russia

FROM FORMAL NON-ALIGNMENT TO NATO MEMBERSHIP: THE ROLE OF EXTERNAL VETOES AND PARLIAMENTARY OPPOSITION IN TRANSFORMATION OF SWEDEN'S SECURITY POLICY (2022-2024)

The process of Sweden's accession to NATO, initiated in 2022, faced significant barriers during its implementation, with Turkey's diplomatic stance and the need for internal political consensus being key factors. The central external barrier was the official position, which imposed a series of diplomatic conditions, including the tightening of anti-terrorism legislation, the extradition of individuals associated with the Kurdistan Workers' Party and the Fethullah Gulen movement, and the lifting of embargoes on certain types of weapons. Along with these circumstances, the domestic political factor has also become particularly important: the need to ensure sustainable support for NATO membership in the Swedish parliament, the Riksdag, where the evolution of the position of the right-wing populist party, the Swedish Democrats, from skepticism to active support has played a key role. The votes of representatives of this party in the Riksdag have provided the necessary constitutional consensus, which has been an important signal for international partners. Overcoming the barriers to Sweden's accession to NATO required a combination of flexible foreign diplomacy and profound domestic political transformation. This article focuses on these issues.

Key words: Sweden, Finland, Turkey, NATO expansion, Swedish Democrats, security policy, Baltic Sea region.